

Три знака

Рувимма получила еще один шанс. Все предыдущие тест-работы они с подругами провалили. Идеи вспыхивали в голове как яркие импульсы, казались гениальными, но продюсер фотоагентства их браковал. То позы моделей — убогие, то мнение жюри о концепции — «не фонтан». Сам-то он что сделал? Как поразил человечество? Только и может бубнить «иди учиться». После седьмого фиаско продюсер попросил его не отвлекать, но напоследок все же прислал задание: «Три грации в современном искусстве» — попробуйте, мол, эпатаж.

Хоть тресни, но в этот раз осечки допускать нельзя. «Что-то на стыке стилей, — подсказывала интуиция, — хватит импульсов, будем брать жюри интеллектом». Ретро-фэнтези, с элементом мистики? Изысканность против минимализма? Калмыцкие широкие скулы Рувиммы не очень подходили для винтажной фотографии. Она нахаживала километры по квартире. Думай, думай! Провалишься с «тремя грациями» — обеспечишь себе вечный почетный караул у кухонной плиты, диетические кнели — Жоржу, любимому мужу. А еще стоять-смирно — перед свекровью. А как, топчась у доменной печи, прорваться в современное искусство? Да и творческих минут — кот начхал.

Мозг отказывался генерировать неординарное. У Рувиммы от жалости к себе выступили слезы. Неужели я пустышка? Она забралась на легкое деревянное кресло в гостиной. Странной формы с витыми ножками, муж просил на него не садиться — не ровен час развалится. Думай, думай, на умственные способности компаньонка рассчитывать не приходится. Рувимма сгруппировалась, подтянула колени к подбородку и крепко обхватила их руками. И вдруг концепция сложилась. «Рывок в будущее на фоне старого хлама». Вот прямо тут, фото с этой точки, только отодвинуть стеклянную горку с посудой. Кресло отозвалось «на старый хлам» скрипом соединительных нагелей.

«Мета-модерн пришел! Три грации ломали, ломают и будут разламывать эпохи! — резюмировала Рувимма подругам лейтмотив мизансцены. — Для эмоциональности посыла нужен реквизит. Давайте, ищите. Локацию покажу дома. Получится китч, но это может выстрелить».

Высокая, губастая, в роговых очках Александра закивала, хотя идею поняла смутно. На точеном личике миниатюрной Лиды мелькнул скепсис, но возражать не стала.

Реквизит собирали по знакомым — шляпка с вуалью, мундштук, меховой воротник, старинный зонтик от солнца, лайковые белые перчатки. Броскую современную одежду позаимствовали из собственных гардеробов.

Загвоздка возникла с «разрешением на съемку»: Жорж категорически запретил фотографироваться на фоне портрета бабушки в детстве. Сомнения — надо ли гневить судьбу — закрались в душу Рувиммы, но образ доменной кухонной печи их разметал. Сделаем фотосессию тайком. Время шло, продюсер названивал, а удобные обстоятельства все не подворачивались. Наконец, за сутки до дедлайна, домашние разъехались по делам.

В августовский полдень 2021-го года три грации собрались на месте. Старый фонд, петербургский дом-колодец. Потолки — четыре метра. Чтобы сдвинуть буфет-горку, пришлось вытащить всю посуду и складировать на овальном ампирном столике. Тарелки, чашечки — классно расписаны, настоящий авангард. И старинная тряпочная кукла Пьеро с истлевшим и порванным кружевным жабо. Семейные реликвии. В зале, на стене — старинная картина в золотой раме, портрет с тремя девочками. Большой портрет, два на два метра. Александра и Лида залюбовались полотном. Две сестрички-шатенки лет десяти, чем-то неуловимо похожие друг на друга, стоят около окна. А в центре картины — яркая блондинка, помладше, полулежит на софе, излучая счастье в окружении сестер. Белые кружевные платица. Волосы распущены. На заднем плане в окно видны сосны. На полу — богатый персидский ковер. Идиллия.

— Шикардо-ос! — восхитилась, растягивая букву «о», Александра, — это модерн!

— Импрессионизм. От модерна только элементы. В концепции нашей фотосессии — это классика, — пояснила Рувимма. — Реквизит не забыли? Быстро переодеваемся так, как я говорила. Лида, настраивай аппаратуру. У нас — полтора-два часа, не больше. И вечером никуда не уходи — будем отбирать лучший кадр.

— А ты разбираешься в модерне? — съязвила Лида, вытаскивая из чехла треногу.

— Так разве наша концепция не об этом? — Александра сделала вид, что не заметила подколки. — Руви, это же плод твоей хваленой импульсивности! Так?

— Еще раз ликбез для тех, кто не понял! — Рувимма медленно проговаривала каждое слово, как будто читала лекцию. — Главная идея: три девушки пророчат культурный перелом. Старые парадигмы сгнили — выскакивает мета-модерн. Этот портрет с сестричками символизирует то, что тянет вспять, «Бог — во всем». Модерн и декаданс олицетворяет Шура со своей томностью. Черная вуаль, шляпка, мех, зонтик. На лице выражение: «старый бог умирает, экспериментируем с новым богом, я знаю истину». Поняла? Лида! Ты — постмодерн. В постоянном протесте. Лукавое личико. Тебе это просто. С иронией смотришь на Шуру — мол, старая закомплексованная дура. В рваной футболке, трубка в зубах. Шорты с бахромой. Заодно блеснешь своими ножками. Выражение лица: «Бог умер окончательно». А я — в центре, мета-модерн. Заигрываю с каждой, колеблюсь. Платье-микс. «Бог — то есть, то нет».

— И как твои колебания увидят на фото? — на лице Александры возникло недоумение. — Это же миг.

— Во-первых, у Лиды японская камера. Мы будем снимать видео, а потом отберем лучший кадр. Во-вторых, я изображу на лице, что мне нравятся Вертинский, «Битлз» и Бах одновременно. Поняла? И ты как-нибудь постарайся.

— Му-му какое-то, Руви! Нет? — неуверенно возразила Лида. — Не боишься, что ни хрена продюсер не поймет — кто выскакивает, куда выскакивает?

Рувимма не ответила на вопрос, только пристально посмотрела на подругу.

— Может, тебе постричь челку? Как в детстве. В этом больше иронии.

— Откуда ты знаешь, что я носила челку? Я тебе свои детские фотки не показывала. В прошлый раз ты так же сказанула то, что не можешь знать. Откуда инфа?

Повисла пауза. Две гостьи двусмысленно переглянулись. Лида повторила вопрос. Без ответа.

— Да ладно, девчонки. Каждый изобразит, как сможет. Я с трубкой во рту умное лицо изображу, — решила разрядить напряженность Александра.

Она не спеша стянула джинсы и завязала на ноге черный бант.

Рувимма с силой втянула воздух ноздрями. Огрызаться на дур или промолчать? Ладно, сначала дело сделаем. В раздражении вытащила из чемодана пестрое платье, переоделась. Лида скривила губы и вернулась к настройке фотоаппарата.

— Быстрее, не мешкать! — Рувимма вдруг обратила внимание на бант. — Это что? Не было в задумке. Какая копуша! Час будешь завязывать?

— Да я со вчерашнего дня, после вакцинации торможу, — вяло ответила Александра.

— Что? Привилась? И не боишься, что в тебя вшили чип?

— Надоело шарахаться от любого встречного. Уже и целоваться нельзя. Лучше пусть хвост отрастет, чем бояться людей.

— С кем это ты целуешься? А вдруг вырастет павлиний хвост — так даже эффектнее станешь, — съязвила Лида.

— Как всех страх прижал за одно место! Смешно рассчитывать на вакцину! — вдруг расхохоталась Рувимма. — Хотя чего теперь. Поздно нервничать — коньки отбросишь. Фотосессию успеть бы.

— А ты — антиваксер, что ли?

— Сама говорила — стакан лопнул в руках! Знак, что на тебе клеймо смерти! Ха-ха! Ладно, не хнычь, я будущее не могу предвидеть.

— Не шути так! — рявкнула Лида. — Мои мать с отчимом переболели ковидом. С ИВЛ. Она выкарабкалась, а отчим — нет. Теперь мать — дважды вдова, ходит в черном.

— Извини, не знала... Дурацкая получилась шутка, — Рувимма сменила раздраженный тон на сконфуженный.

— Сочувствую твоей маме, но хватит, девочки, о грустном! Так что мне делать с бантом? Снимать?

— Хватит так хватит. Аппаратура готова, — отрапортовала Лида.

— А вон смотри, Руви, на портрете у той младшей, что в центре, тоже черные банты, — заметила Александра. — Как галки сели на грудь. Может, снимемся на другом фоне?

— Чего сдрейфила? Давай мне бант, я нацеплю себе. Встаем в позы, начинаем работу. Лида, запись. Говорите что-нибудь, чтобы рот открывался.

Но только они стали входить в роли, как костыль, державший портрет в кирпичной стене сто семь лет, выдержавший и бомбежки в блокаду, и

многочисленные ремонты, вдруг заметно заерзал. Из-под потолка посыпались, зашуршав по холсту, мелкие осколки кирпича и штукатурки. Рама накренилась. Лида и Александра обернулись и посмотрели вверх. Рувимма продолжала свои движения: стрекот старого кинопроектора заглушил для нее шуршание штукатурки.

Конец мая 1914-го года. Сплошные дожди. Но это не останавливает Якова Лайцанского от решения вывезти семью на дачу раньше обычного. Чутье подсказывает, что лучше спрятать жену и дочек в тихое место. Воздух столицы беспокойный. Териоки, небольшой курортный городок на территории княжества Финляндского — тишь и лепота. Дачу арендуют уже не первый год у толстяка-хозяина по имени Микко, хорошо говорящего по-русски. Дом возвышается на краю обрыва, оголившемся несколько тысяч лет назад, когда отступало предбалтийское море. Вид с террасы на нынешний Финский залив чарует как домашних, так и гостей. Особенно восхищает панорама при низком солнце, когда рассеивается дождевая хмарь. Микко знает про достоинство своей террасы, поэтому берет за лето больше других. Но Яков соглашается переплачивать, поскольку любит жену и дочерей и желает их ублажать, пусть даже на пределе возможностей. Дом хорош не только видом; в плюс и удобное расположение комнат, светлая детская, электричество, тихая спальня, просторная гостиная, отдельная комната для бонны, респектабельные соседи.

Каждое утро Яков добирается на извозчике до Териокского вокзала к раннему поезду и отбывает в Петербург. Он окончил институт, стал гражданским инженером, дорос до управляющего в строительной конторе. Хозяин, Бент Ларсен, хорошо ему платит. Работа спорится, вот-вот закончится возведение доходного дома Ларсена на Петербургской стороне. После сдачи квартир Бент обещает Якову вхождение в состав компаньонов. Интересное поприще, обещающее хорошие перспективы.

Ежедневный выезд на службу и обратно — утомительное занятие, два часа только в одну сторону, но сохранить семейную идиллию важнее.

Последний вечерний поезд возвращает Якова в Териоки. Извозчик отпущен, на террасу выходит встречать любящая Далия. Почему он сегодня сутулится? Поцелуй, традиционный маленький подарок жене. Бонна здороваётся и деликатно уходит к себе. Стол накрыт свежей скатертью. Небольшой, но изысканный сервиз мейсенского завода. Ужин для мужа разогрет. Из двух блюд, несмотря на позднее время. Уха по-фински, со сливками. Суп каждый день — признак семейного благополучия. На второе — фаршированная щука. Традиционное, националь-

ное. Рыбу ночного улова продают рыбаки из артели соседнего поселка. А свежие молоко, творог, сметану привозит финн с хутора.

— Девочки спят? — задает Яков дежурный вопрос.

— Легли. Потом можешь зайти их поцеловать. Все хорошо. Как прошел рабочий день?

Далия задает традиционные вопросы, накладывая из супницы уху.

— С трудом добрался до вокзала, еле успел на поезд. В Питере неспокойно. Особенно на северных заводах. Рабочие что-то опять требуют. Громят хлебные и мясные лавки, бьют окна в ювелирных магазинах. Проходил мимо немецкого посольства. Почему-то студенты кричали: «Долой жидовскую дипломатию». К чему?

— О, ужас! Могут быть погромы?

— В Питере не допустят. Не в черте оседлости все-таки. Мы здесь, прошлое там. Не беспокойся.

— А куда смотрит полиция? У нас в парке тоже пассаж случился: духовой оркестр около казино заиграл французский гимн, а группа подростков громко запела «рабочую марсельезу». Кто-то выкрикнул: «В борьбе обретем мы счастье свое». Хулиганье. И где жандармы? Не оказалось.

— Власть без толку суетится. Полиция, дворники бегают, пугают, а ничего не могут сделать. Читал в газете, что забастовок этой весной больше, чем в революцию, в пятом году. Не нравится мне все это.

— Не накаркай. Соседки говорят, это первое спокойное лето. В прошлые годы — то убийство Столыпина, то «Титаник», то дело Бейлиса. Каждый сезон что-то нехорошее. Ох, плохие знаки. А этим июнем, слава Богу, и поговорить не о чем: событий нет. А мне тревожно. Слышала, в Териоки приехала черная вдова...

— Ох, уж эти ваши дачные сплетницы: кто отравил собственного мужа — знают, зачем убили премьера — знают, кто пьет кровь христианских детей — тоже знают! Смешно и больно! Вы тут в дачном раю оторвались от жизни. Надо аккуратнее. Слухи могут сами собой исполняться, — Яков вытер салфеткой губы, подошел к зеркалу, провел рукой по лысеющей голове. — Но согласен: сигналы нехорошие. Моя бабушка говорила, что сначала появляется тень, а потом само несчастье.

— Какая тень?

— Знаки. Их должно быть три. Как тройка-семерка-туз. И если вместо туза пришла пиковая дама — беда.

— Не пугай, Яша. Я так переживаю за наших девочек. Рассказывают, что в большой даче, что за центральным парком, жила прекрасная семья. Помнишь? Там еще икона в окне стояла ликом на улицу.

— Ликом на улицу? — судорога пробежала по телу Якова, он задел столовый прибор, тот со звоном упал на пол. — Так мама от погро-

мов в Екатеринославе спасалась — православные иконы выставляла в окно.

— Прошлым летом их мальчик еще с нашими чудно играл, — продолжает Далия, не обращая внимания. — Помнишь, мальчик тогда промок под дождем, простудился? Под дождем! Летом. Не зимой в проруби! Пустяки, правда? А через месяц воспаление. И умер. Ужас какой. Все мы под Богом ходим. А если чахотка? А если заражение крови? Девочки могут поцарапаться ржавым гвоздем.

— Перестань себя накручивать. Что от нас зависит — все сделаем! Все и будет хорошо. У меня перспективы, хорошие дивиденды, вот-вот стану акционером. Захворают — вызовем докторов, поедем на юг. Никто не заболает: это у тебя невроз.

— Да, невроз. Но что я могу сделать?

— Даша, подумай своим еврейским умом. Сейчас все-таки какая-никакая, но медицина-наука. А сто лет назад? Жили от мора до мора. Приходила чума, холера или оспа — сметало всю деревню. И не стали же повальными параноиками?

Ужин закончен. Яков, хотя и знает, что еду готовила повариха, но благодарит жену. Выразить признательность за все — таков обычай в счастливых семьях. Какая она у меня красавица, думает он, как подходит ей имя Далия — «цветущая ветвь». Яков заглядывает в детскую — девочки спят. На подушке рядом с головкой Таи лежит тряпочный Пьеро. Грустный и нелепый он какой-то с этим белым кружевным жабо. Почему выбрала эту куклу, а не веселого Арлекина? Какая она еще маленькая! Он умиляется и возвращается к зеркалу. Первые седины уже видны, лысина на лбу ширится, но в целом еще вполне бодрый вид.

Дано указание бонне присмотреть за детьми, и чета Лайцанских, взявшись под руки, спускается к заливу.

Волны мерно набегают на берег. Что может умиротворять душу лучше, чем прогулка по променаду вдоль кромки воды? Небо чистое, на горизонте — полоска облачков. Пахнет соснами. Красный закат — диск солнца медленно опускается. Закатится за кромку моря — будет ветрено, а в тучку — дождливо.

Подкатывают три пляжные повозки с будками для переодевания. Купальные машины, как их с долей иронии называют местные жители. Лошади заходят в воду по колено, разворачивают повозки в сторону залива. Из машин выскакивают девушки и мужчины в купальниках, барахтаются в воде. Кто-то кого-то невзначай прихватывает за талию. Слышны визг и хохот.

— Художники, — комментирует Далия. — Говорят, что Мейерхольд и в этот сезон опять не приедет.

— Жаль. Его театр — что-то новое, свежее в искусстве, — отвечает Яков, — разбередил ваше сонное дачное царство.

— А я люблю классику. Все эти театры условностей, манифесты среди природы... «Нанижем колесо мироздания на ось судьбы» — не по мне. Яша, хочу тебе кое-что сказать по секрету. От девочек. Не проболтаешься?

— За кого ты меня принимаешь?

— Скоро твое сорокалетие. Мы хотим подарить тебе портрет девочек. Большой, групповой. Я договорилась с одной художницей. Мария — чудо, сама скромность. Простая, без богемных закидонов, мило-видная, из провинции. Ученица Репина, ездит в Пенаты — берет уроки живописи. Но работы нет. Надо помочь. Вот ей и дала заказ на портрет. Решили, что девочек изобразим в полный рост. В бальных белых платьицах, которые остались после новогоднего представления. Они ходят позировать каждый день. Это нелегко — стоять неподвижно два часа. Они стараются. Но это от тебя секрет. Понял? Ты не должен знать.

— Хорошо, Даша. Сделаю удивленные глаза. Два часа! Как они выдерживают?

— Ради тебя. Там в мастерской холодно, у Марии нет денег на дрова. Я дала аванс, но он весь ушел на какие-то ее прошлые долги, холст, подрамник. Ты бы не мог еще денег добавить? На полную оплату. Такая симпатичная девушка. Не обманет.

— Конечно, милая. О чем речь!

Все спокойно, в лесу выписывает рулады соловей, комары ушли в ночной сон и не беспокоят. Художники накупались и переодеваются. Солнце проскакивает мимо тучки и опускается в море. На улице светло — белые ночи. Лошади на фоне малинового неба. Слишком все пасторально.

— Богема! Зачем им купальные машины? Могут и голышом плюхаться в воду.

— В августе, как потемнеет, так и будут. Еще только начало лета — все развлечения впереди.

— Дожить еще надо до августа.

— Эх, какие закаты на Финском в конце лета!

Дачный сезон продолжается. Утром Яков опять уезжает на службу. На сегодня прогноз погоды благоприятный, после обеда запланирована длинная прогулка до озера. Собирается большая веселая компания соседей. После завтрака сестрички идут позировать.

Далия заходит в мастерскую художницы к полудню. Сеанс закончен, девочки переодеваются. Можно прощаться. Но Мария предлагает взглянуть на портрет.

— Ой, Мария! — у Далии расширяются зрачки. — Что это? Что за красный закат в окне? Почему столько пестрого? Откуда эти наряды, эти смуглые лица, ядовитая ирония в глазах? Еще два дня назад все было иначе!

— Портретное сходство же есть? Вы этого хотели? — оправдывается художница. — Это современное искусство. Модерн. А это — красная заря на подходе.

— Подождите, Мария, зачем мы тогда достали из кофра и надели белые платья, белые банты? Это никак не похоже на серовскую «Девочку с персиками». Мы о чем договаривались? И какая «красная заря»? Двадцатый век — век гармонии и гуманизма, торжество науки, человеческого разума. Или вы тоже считаете, что затмение солнца в августе — предвестник апокалипсиса?

— Вот именно — науки! Грядет великое время. Сентиментализм — прошлогодний снег. Не гнаться же за ретроградным Серовым с его чувственным застоєм? В театре появился Мейерхольд. Культура взрыва Кандинского. В поэзии — Маяковский, Бальмонт. В архитектуре — югендстиль, северный романтизм с ассиметричными окнами. И все это здесь, в Териоках, у вас на глазах. Нельзя же отстать, оступиться перед входом в храм будущего? Этот портрет на века — пусть потомки оценят, что персонажи глядят вперед, а не под ноги. Мир на переломе, вы слышали?

— Я слышала, что при переломе накладывают гипс. А все эти ваши декадентские корчи рассматриваю как гнойники — их прижигают йодной настойкой.

— Зачем уж так, Далия Иосифовна — корчи, йод? Вы еще услышите и перелом, и хруст хрящей с суставами.

Далия оглядела Марию с ног до головы, как будто увидела впервые. Как это она сразу не заметила типаж, задурманенный эмансипацией! Каким уверенным тоном художница доказывает свою правоту! Простушка при первом знакомстве, но, если присмотреться, — со вкусом одевается, владеет навыками спора. Живой, твердый и даже высокомерный взгляд. Такие фанатички могут бросить бомбу в кого угодно ради революционных химер. Она уже пожалела, что выбрала эту художницу. Но все деньги выплачены — обратно не возьмешь.

— А вы, Мария, не так провинциальны, как могло показаться.

— Да, я из предместий. Я рвусь в искусство. Но там, откуда я родом, остались люди, живущие в жутких условиях. Их не надо обижать пренебрежением. У их детей нет игрушек из финифти, но...

— Нет-нет-нет, извините, если я вас обидела. Мы тоже родились не в столице. И всего, чего достигли, включая финифть, — заслуга мужа.

Он выучился, стал успешным инженером. Но поймите мой интерес. Я хочу подарить ему на юбилей милых дочурок с милыми чувствами, а не «персонажей», как вы сказали давеча, не абстрактную фантаσμαгорию и красный смех.

— Вы — заказчица. Я сделаю, как просите. Но нужен акцент на важной детали. Как у Репина в «бурлаках» — на заднем плане дымящий пароход. Ключ к картине, который говорит, что...

— Хорошо, согласна на вашу говорящую деталь. Но девочек верните в их платья. И фон сделайте таким, как был. Завтра же! Я приду проверить. Все эти ваши авангардистские танцы спрячьте за кулисами. Никакой асимметрии! Понятно?

Текут будни, отличающиеся только наличием или отсутствием дождя. Далия долго не может успокоиться — права ли она была, отстаивая классику? Хорошо, что в Териоки начался чемпионат по лаун-теннису. Весь местный бомонд две недели только его и обсуждает, и семья Лойцанских вместе со всеми. В парке специально обустроены три площадки, в клубном павильоне — мужские и дамские комнаты, веранды для судей, помещение для сторожа. Приехал сам чемпион теннисной России, граф Михаил Сумароков-Эльстон. На богатые призы собирают средства местные меценаты. Проходит с успехом и женский турнир.

Далию огорчает нерегулярность приездов Якова: он время от времени остается ночевать в Петербурге. Пролетарские волнения не прекращаются. То забастовка на одном заводе поддерживает рабочих другого завода, то рабочие перекрывают проспекты Выборгской стороны, то молодежь баррикадирует поезд на Финляндском вокзале. Ко всему прочему, прибывает с визитом французский президент Пуанкаре. В чем необходимость ему лично приезжать? Пресса визжит от восторга. На пляже говорят, что полиция заставляла горожан встречать его радостными возгласами. Зачем эта показуха? Опять у железнодорожного вокзала видели женщину в черной вуали: говорят, что ее автомобиль реквизировали на нужды армии. Ох, не к добру. В августе — день рождения мужа. Кого звать на торжество?

Восемнадцатого июля Далия выходит к завтраку. Бонна уже усадила дочек за стол, несет кофейник. Приятный запах утреннего кофе щекочет ноздри. Наконец-то солнечное утро. Как надоели дожди! Можно сходить в лес пособирать чернику. Повариха накладывает еду. Заходит хозяин дачи Микко и долго с хохотом рассказывает, как он пошел с утра пораньше на рынок в центр Териок и чем-то не угодил корове, которую привели на продажу. Корова сорвалась с веревки и понеслась на него. Он улепетывал от нее несколько кварталов. Отхохотавшись, Микко бросает как бы невзначай:

— Кстати, война будет. Вы закупились водкой? Объявили сухой закон.

— Как? С кем война?

— С немцами. Царь объявил всеобщую мобилизацию. Будете воевать за сербов. Вы, славяне, друг за друга готовы в пекло голову засунуть.

— Мы не совсем славяне, — Далия роняет чашечку на блюдец, кофе расплескивается на белую скатерть черными кляксами. — Мы евреи.

— Ну, это для меня одно, раз говорите по-русски, — отмахивается Микко и уходит по своим делам.

Вечером Яков не приезжает. Присылает телеграмму, что задерживается в Питере. И на следующую ночь он остается в квартире на Спасской улице...

Только двадцатого июля Яков добрался до Териок. Обстановка в городе сложная. То тут, то там собираются на патриотические митинги, выдвигают лозунги за панславянское братство, крушат немецкие лавки. Император объявил с балкона свое решение — площадь встала на колени. Те, кто еще месяц назад требовал его свержения, теперь кричат «ура». Какие-то группы рабочих продолжают качать права, но протесты сходят на нет. Зевак прибавилось на улицах: любопытство берет вверх — а что будет? Шествия — уже непонятно, за что или против чего? Что требуют, что хотят? Соседи по Спасской в унынии: догадываются, что война — мясорубка. Но самое главное — Ларсен заморозил строительство и собирается продавать недоделанный дом. А ведь уже четвертый этаж закончили. Еще немного, и мебель можно было завозить, постояльцев пускать.

— Кто-нибудь знает истину? — ужасается Далия.

— Какая может быть истина в такое время? Почитай правые газеты — патриотизм захлестывает, почитай левые — сплошной пессимизм. Голова идет кругом. Ваш кумир, прощелыга Сумароков-Эльстон, записался добровольцем на фронт. Умница Бент собрался закрыть дело и эмигрировать. Зачем? Он же датчанин, не немец. Так чего испугался? Считает, что война подтолкнет Россию к революции. Откуда он это взял? А черносотенную прессу лучше вообще не брать в руки — замараешься.

— Может, и нам эмигрировать, Яша? Ларсен — неглупый человек...

— Что за чушь! Мы для чего перебрались в Питер? Чтобы сбежать? Бента зажали в тиски слухи. Сплетни! А ведь современный человек! Пока сидите здесь, в Териоках, — резюмирует Яков.

— Нет, ни в коем случае! — кричит Далия. — Ты не знаешь главного! Все твердят, что приплывут немецкие подводные лодки и будут обстреливать Териоки! Надо съезжать с дачи! Да и финны стали смотреть косо — говорят, они скоро получают независимость. Могут в злобе отравить чем-нибудь. А если перекроют границу? Ты — там, а мы — здесь. Нет, нет и нет!

— Даша, опять паранойя! Какие подводные лодки в Финском заливе, который тебе по пояс? Зачем им обстреливать курортный городок? А финны живут с дачников — им-то зачем травить гусыню, несущую золотые яйца?

— Ты же утверждал, что слухи «самосбываются». Когда все говорят — это не шутки! Уже Добрянские съехали. Коломойцевы собирают вещи. Нам надо срочно паковать чемоданы. Завтра наймешь подводу и вывезешь кофры. А мы — по чугунке. Девочки в опасности! Дина, Роза, Тачка. Подумай о них!

На следующий день завтрак накрывают на террасе. Далия следит, чтобы девочки доели все до последней крошки: нехорошо оставлять еду в тарелке, когда другие голодают. Спускается Яков. Бонна выносит чашку с кофе, сливки в кувшинчике. Утреннее солнце отражается в волнах залива, как будто соблазняет остаться. Почему-то не пришел сказать традиционное приветствие Микко. Наверное, опять отправился на рынок. Выходит повариха и спрашивает, что купить в колбасной лавке. А может, больше ничего не надо ни в колбасной, ни в магазине «мясо-рыба-зелень-дичь». Девочки резвятся на поляне перед дачей. Ветра нет, утро ясное, но в воздухе беспокойно. Вдруг на террасу с шумом залетает черная галка, садится на перила, громко каркает, как ворона. Далия вскрикивает, Яков шарахается и роняет кувшинчик. Тот разбивается. Девочки заливаются плачем от неожиданного шума. Галка, двусмысленно скосив глаз, демонстративно улетает.

Яков и Далия обмениваются взглядами и принимают решение без обсуждений.

К вечеру все вещи собраны. На утро заказан извозчик. С телегами для вывоза кофров возникает сложность: все заняты на неделю вперед. Ладно, с перевозкой кофров можно повременить.

Семья уезжает, оставив вещи. Экипажи двигаются один за одним. Уже начиная с поворота к железнодорожному мосту — столпотворение. Паровоз заправляется водой из «гусака»: скоро подадут состав на посадку. Коляскам не хватает места на привокзальной площади. Истошный крик. Кто-то потерялся. Пассажиры бегут, чемоданами и тюками задевая друг друга. В общей кассе давка. Слухи, что сегодня только один состав пустят в столицу, передаются толпе. Яков с трудом покупает билеты в первый класс и отводит Далию, бонну и девочек в зал ожидания.

Буфет закрыт. Паровоз медленно тащит вагоны к платформе, как будто в чем-то сомневается. Первый звонок. Дачники бросаются занимать места. У дверей суতোлка. Второй звонок. Начальник станции лично приглашает пройти из зала ожидания в вагон первого класса. Протиснувшись сквозь толпу, Далия заходит в синий вагон первой. За ней —

Дина и бонна. И тут раздается третий звонок. Толпа издает общий рев. Все, кому не хватает места в желтых и зеленых вагонах, устремляются в синий. Якова с Таей и Розой отшвыривают от дверей. Далия еле успевает занять сидячее место, как уже в вагоне нет ни единого свободного метра, проходы забиты. Яков подхватывает Розу на руки и забрасывает в вагон через открытое окно. Паровоз свистит и пыхает из трубы черным облаком, с шумом прокручиваются колеса. Вагоны дергаются и тягуче отправляются в сторону Питера.

«Всем отойти от края платформы!» — начальник станции бежит вдоль состава. Кто-то орет благим матом: «Ногу сломали». Где Таечка? Яков оглядывается вокруг. Исчезла.

А Тая в ужасе отпрянула от состава, бросилась бежать вдоль платформы, прижалась к стене кубовой. Человек в черном костюме мочит носовой платок под струей кипятка и обтирает грязь с локтя.

— Вот, быдло, обрызгали новую одежду — только два дня как купил, — чертыхается он. — Тебе чего, девочка? Водички хочешь набрать?

— Дядя, мне страшно! Я потерялась!

— Чья девочка? — громко кричит человек в костюме, продолжая мочить платок под краном.

Яков бросается к Тае, подхватывает ее, бежит вперед по платформе, сбивая всех на своем пути. Но синий вагон уже далеко, другие мелькают перед глазами. Что-то истерично кричит Далия. По губам читается: «Береги Таечку!» Яков машет рукой, опуская девочку на платформу. Кричать бессмысленно: все заглушает грохот состава. «Ждите нас в городе, доберемся к вечеру вместе с вещами, — шепчет Яков. — Не бойся, Даша, был только один знак!»

Дым от паровоза еще какое-то время виднеется вдали. На станции — люди с узлами, они возмущаются, кричат на начальника станции: «Когда будет следующий состав? Почему так рано дали третий звонок?» — «Что за паника? — отвечает тот. — Все по расписанию: следующий через час. Куда вас всех несет? Вот Репин никуда не сбегает, остается на даче».

К Якову подходит тот самый человек в черном костюме, подает ему куклу Пьеро: «Вот, ваша дочь обронила. Жабо порвалось и испачкалось в грязи. Почему эти финны не чистят платформу? Безобразие!»

Яков благодарит, берет плачущую Таю за руку и идет к стоянке извозчиков. Они возвращаются на дачу. Надо где-то договориться о подводах. Но все финны с телегами уже зафрахтованы.

Вечером приходит телеграмма от Далии: «Добрались квартиры благополучно зпт Питере волна патриотических демонстраций зпт дай Марии городской адрес отправить портрет юбилею тчк». Как женщины

помнят о таких мелочах? Два дня Яков рыщет в поисках подвод. Безрезультатно. Микко предлагает остаться до конца лета, обещает скидку. Таечка возвращается из парка в слезах. Здание казино захватили дети местных жителей, устроили театральное представление, в конце спектакля душили кошку, как немецкого шпиона. Отец запрещает дочке выходить из дома. Заходит к художнице, сообщает адрес на Спасской улице, дает денег на доставку: «В августе, надеемся, станет спокойнее с транспортом».

Только через двое суток он договаривается о подводе, заплатив тройную цену. Коробки с посудой, саквояжи с игрушками, тяжелые кофры для платьев и обуви. Это же надо — сколько барахла!.. Как только трогаются в сторону Петербурга, Яков засыпает без сил. Зато Тая с интересом следит за дорогой.

Первые двадцать километров проехали быстро, но уже после границы с Финляндией движение уплотнилось, массово добавились дачники-«беженцы» с Сестрорецкого курорта, начались «пробки» из подвод. А через пару километров лошади и вовсе встали.

Некстати накатила жара. Тая просится отойти пособирать чернику. Финн-возница требует доплаты за «вторые сутки». Приходится остановиться на ночевку в Лисьем Носу. Хозяйка приносит простокваши, Тая пьет две кружки, играет с домиком из финифти и уходит спать. Яков всю ночь дежурит на улице, чтобы не растащили мелкие вещи. Рядом ночуют другие подводы.

Насколько русские разговоры отличаются от финских! Например, кучера из Петербурга обсуждают слухи:

— Войну затеяли, чтобы отобрать землю у малоземельных в пользу богачей, — говорит один.

— Не-ет! Вот оттяпаем землю у немцев — раздадут всем крестьянам, — возражает другой.

— Так как нам справиться с немцем, когда царица Мария — их шпион? Прижила от Столыпина ребенка. Вот и война...

— Вдовствующая императрица Мария Федоровна не из Германии, а из Дании, — не сдерживается Яков. — Это Александра Федоровна — немецкого происхождения.

— Ничего ты не понимаешь, мужик, — огрызается кучер, — датчанка тоже шпионка. Она жидомасонов пустила во врачи. Они русским ноги ампутуют. Слышал такое? А в синагоге нашли телеграф. Это они секреты немцам передавали. Вот ты, кстати, на еврея похож. Как твоя фамилия?

— Лайцанский, — Яков напрягся: еще не хватало попасть под руку антисемита ночью, в Лисьем Носу, в двадцати километрах от дома.

— А-а. Лях. Тоже сучье племя, — кучер теряет к Якову интерес, возвращается к прерванной беседе. — Ладно, надо только выловить шпионов. Вытащить и в шею гнать.

— Говорят, уже все немецкие лавки разграбили, — подхватывает разговор третий кучер, — жаль, меня там не было.

— Ох, плохо это — баловство среди мужиков начнется, — подходит книгоноша, услышавшая конец разговора, — начнут помещиков грабить. А никуда не деться: на нашем Николашке злой рок. Вот купите книжечку — там нарисована его ладонь, линии ужасны.

— Некогда нам читать, иди куда шла, — рыкает на нее первый кучер.

— А вот еще книжечка про болезни, как их излечить, — не унималась торговка, — врач написал. Немцы — звери. Вот попадете на фронт, будете знать, чем лечить раненую ногу.

— Э, есть болезни, при которых твоя медицина бессильна, — возражает второй кучер, — лучше подаваться к знахаркам. Или колдунам. Вот война началась неспроста — скоро всем конец. Есть там у тебя книжка про апа... капа... как его?

— Апокалипсис?

Яков вжимает голову в плечи и закрывает руками уши: слушать темный бред нет мочи. Немцы и евреи воду отравили! Хорошо хоть чуму не занесли. Как с такими в войне победить? Теперь понимаешь мудрость: внутренний враг страшнее внешнего.

В детстве ему передался от родителей страх еврейских погромов. Отец напутствовал: выучись, уезжай из Екатеринослава подальше. В Петербургский Политехнический Якова не взяли: квоты на евреев были выбраны быстро. Поступил в Рижский. Окончил. Получил право выехать из черты оседлости. Пятнадцать лет в Петербурге. За эти годы страх ушел. Совсем забылся. Или не забылся? Точит Якова червяк, что он оставил родителей в Екатеринославе беззащитными. Вот услышал разговор дремучих мужиков — вроде бы и несут чушь несусветную, а по спине мурашки сразу бегут.

Весь следующий день телега тащится через Лахту, Старую Деревню, Новодеревенскую набережную. После мостов через Неву становится свободнее. Только к вечеру они добираются домой, на Спасскую улицу.

Далия бросается обнимать дочку, но Тая отвечает на материнские ласки вяло, без сил валится на свою кровать. Через день у нее поднимается температура, она мечется в жару. Врач ставит убийственный диагноз: «Брюшной тиф». И спрашивает обличительным тоном: «Вы испорченное молоко не давали ребенку?»

Розу и Дину отправляют к родственникам, чтобы и они не подхватили заразу. Рассудок Далии не выдерживает: она мечется между дверьми,

не может найти свою комнату. Апатия чередуется с истерикой — она бросается на кровать и дергается всем телом: «Яша, ты обещал, что найдешь докторов, которые вылечат любую болезнь! Ты же говорил, что будет третий знак! Где он?»

Любимица семьи угасает за неделю.

Преображенское еврейское кладбище находится далеко за городом. К дому омовения усопших добираются в середине дня. Тело заворачивают в саван. Яков хочет рыдать, но слез уже нет. Один из его родственников читает кадиш над могилой. Этим религиозный обряд и ограничивается. Могильщики опускают маленький гробик в яму, засыпают могилку, кладут деревянную табличку: «Таечка Лайцанская, 7 лет». Каждый из малочисленной траурной процессии выражает отцу усопшей сочувствие: «Пусть будет благословенна память ее» — и уходит в сторону ворот. Там ожидают два нанятых извозчика. Якову не хочется возвращаться домой, он остается у могилы. Над тополями галдят галки.

Когда холод окончательно пробирает, Яков выходит с кладбища и пешком устремляется в сторону города. Трамваи уже не ходят. Темный августовский вечер. Где-то вдалеке слышатся выстрелы. Дома мечется полусумасшедшая Даша. Почему судьба так несправедливо переломилась? Ведь все он делал по уму, шаг за шагом: хорошо учился в гимназии, получил высшее образование, встал на ноги в профессии и только после этого женился. И не по расчету — по любви, на красавице. Добивался ее руки — и добился. Получилась прекрасная семья, росли чудные дочери! Сколько раз Даля передавала Якову слова знакомых, что ей повезло с таким заботливым мужем. Интересная доходная работа, благосостояние, перспективы...

Но страх все это потерять был всегда. Второй по силе после погромов.

И вот — единственный неверный шаг, и все идет прахом! Почему он первой подхватил на платформе Розу, а не Таечку? Роза постарше, не испугалась бы свистка паровоза, не шарахнулась, и он успел бы закинуть обеих в вагон...

Но первый ложный шаг он сделал еще до того: повелся на суеверие, на какие-то знаки, на какую-то чертову галку, отринул здравый смысл. Вот в чем ошибка! Один раз позволил импульсу победить — и все. Что повлияло? Война, сплетни, нервная обстановка... Уже неважно. Смерть Таечки стирает в одночасье уверенность в правоте разумности.

Проезжает черная машина. Ему кажется, что в ней сидит женщина, лицо которой закрыто вуалью. Что за чертовщина? Говорят, в городе орудует банда «Черное авто». Яков прибавляет ходу, почти бежит. Вот и Обводный канал. Уф! Заводские окраины. И здесь беспокойно: могут на-

пасть местные, рабочие с заточками. Но никого нет, горожане попрятались по домам. На барже, пришвартованной к берегу, голосит одинокая солдатка: «Кормильца забрали, как жить?» С другой баржи ей неразборчиво отвечает пьяный голос. Откуда он достал водку? Наверное, налил денатуратом. Яков выходит на Бульварный мост, останавливается, смотрит в воду.

Что его ждет дома? Дашу надо лечить. Но где сейчас найти хороших медиков? Может, броситься в канал? Наложить на себя руки. И больше никаких страхов, жизненных переломов. Но выход ли это? Или грех? Яков перекидывает ноги через ограду, садится на перила. Может быть, лучше записаться на фронт добровольцем? Там и убьют. Вот так, совершенно не по-еврейски...

Пьяный мужик с баржи вдруг орет совершенно отчетливо: «Антихрист идет!»

У него есть еще две дочери — как он мог про них забыть? Это же предательство! Надо поднять их, вывести в люди. Нужно работать, нельзя опускать руки.

До Спасской улицы Яков добирается только к утру. У дома стоит подвода. Грузчики вытаскивают нечто большое, завернутое в холстину. И тут он вспоминает, что сегодня ему исполнилось сорок лет, а это подарок на юбилей, о котором он якобы ничего не должен знать. Когда с картины срывают бумагу, Яков видит черные банты на белом Таечкином платье. Крупные, контрастные — доминанта в центре. Как две галки. Ах, вот, значит, что стало третьим знаком!

...Бряцала война, хрустели хрящи и суставы, потом наступил окончательный перелом в семнадцатом. Свобода, разруха. Яков нашел хороших психиатров. Сознание Далии по крупицам восстанавливалось. В столице начался голод. Были бегство семьей в Екатеринослав к родне, ближе к продуктам и еврейским погромам, а потом — обратная дорога в Петроград. Там — уже другая жизнь, и вновь интересная работа: ГО-ЭЛРО, первые пятилетки, строительство стекольных заводов в чистом поле, мясокомбинатов-гигантов.

Человечество придумало пенициллин, интернационализм, всеобщее образование и атомную бомбу. Ушли в прошлое старые страхи, слухи и «черные вдовы». Семья Якова пережила лихолетье без потерь: жертва новым временам была принесена на опережение.

Немая сцена продолжалась секунду. Костыль выпал из стены и картина, перекосившись, с грохотом полетела вниз. Угол золоченой рамы чиркнул по виску Рувиммы. Брызнула кровь. Александра тихонько вскрикнула. Личико Лиды исказила гримаса ужаса. Багет и подрамник,

ударившись об паркет, разлетелись на щепки, холст порвало в нескольких местах, он шлепнулся на пол и замер. На долгую минуту замолкли старые шифоньеры. Ни звука и со двора.

Последние, еле слышные вибрации издали рюмки в горке-буфете. Рувимма, утерев кровь с виска, трясущейся рукой подняла с пола костыль, осмотрела. Перед глазами промелькнуло видение: разъяренная свекровь на фоне зарева доменной печи; Жорж, выводящий у нее на лбу красной гуашью «развод»; продюсер, гогочущий над ее фотоработой.

— Руви, у тебя кровь!

— Ничего страшного, чуть задело. Лида, можешь мне оставить запись?

— Девочки, мне что-то расхотелось сниматься, — Александра, вся в кирпичной крошке, судорожно стягивала вуаль с лица.

— Ни фиги себе! Что это было? — очнулась от шока и Лида.

Она стряхнула с личика песок и пыль, мелкими шажками засемила к фотоаппарату:

— Как ты сказала? Мета-модерн высказывает? Ну-ну. Вот так и не верь знакам!

— Можешь мне оставить запись? — повторила Рувимма.

— Хочешь увидеть, как картина чуть нас не пришибла? Возьми, я это пересматривать точно не буду, — Лида вытащила из камеры карту памяти, положила на овальный столик. — Помочь прибораться?

— Не надо. Я сама. Вам лучше смотреться отсюда. побыстрее!

— Все хотела спросить. А что у тебя за необычное имя — Р-у-в-и-м-м-а? Восточное какое-то, — внезапно поинтересовалась Александра.

— Родители так назвали. Это не имя, это судьба. Разум Уважающий Высокое Искусство Мета-Модерна.

— Это не судьба, это диагноз, — тихо прошипела Лида, упаковывая технику.

Девушки поспешно попрощались. Рувимма закрыла за ними дверь, возвратилась в залу. Жорж и свекровь вот-вот вернутся: надо срочно придумать легенду про костыль, вернуть мебель на место, подмести. Но слабость и нервный озноб не проходили. Она снова забралась в кресло и прижала ватку к виску. Нервный озноб усилился. Рувимма взяла с овального столика верхнюю тарелку, расписанную «под Кандинского», стерла ладонью пыль. Красиво! Прижала к себе куклу с кружевным жабо. Почему у тебя такой грустный взгляд, Пьеро? С лежащего на полу порванного холста смотрели сестрички из 1914-го года.

«Что вам не понравилось? Дура я, да? Что вы так смотрите? Я открыла какой-то ящик Пандоры? Вы обиделись на мои слова о том, что импрессионизм тянет человечество вспять?»

Сестры молчали, только нагели в кресле отозвались скрипом.

Рувимма принялась рассматривать лица на портрете. Год назад свекровь рассказала за обедом то небольшое, что знала про их судьбы, сокрушаясь, что не успела расспросить, пока были живы свидетели событий. Одна — Дина, ее мать, вобрала «все счастье семьи»: любила и была любима мужем, имела детей, внуков. Широкие скулы, спокойный уверенный взгляд: «Я со всем справлюсь». Вторая умерла в детстве. Детская наивная улыбка, плавность в манерах: «Все меня любят». Третья посвятила себя искусству, окончила Академию Художеств, стала дизайнером-конструктивистом (вот эти фарфоровые сервизы, это кресло, на котором нельзя сидеть). Губки бантиком, я — прима, а вы восхищайтесь мною и моим лозунгом: «Цель творчества — не идея, а реальная вещь».

Прошел еще час. Никто из домашних не возвращался. Со двора донесся шум подъехавшего грузовика, затем — крик осла. Что это? Метафора мета-модерна — осел, который никогда не догонит морковку. Намек?

Дрожь унялась. Рувимма взяла карту памяти, пошла в свою комнату, переписала видео на компьютер, включила просмотр на медленной скорости. «Три грации» кривляются под портретом. Ужас! Особенно она сама. А еще час назад подобное казалось гениальной идеей!

И вдруг — то ли наложением второго слоя на задний план, то ли двадцать пятым кадром, то ли туманным видением — перед глазами появилась кинохроника событий 1914-го года...

Видение оборвалось. На мониторе — только падение картины: рама разворачивается и метит углом Рувимме в голову. Но она качнулась в обратную сторону, и портрет чиркает по виску...

Три подружки — и девочек на портрете три. Каждая — наследница судьбы одной из девочек с холста. Флегма Шура, очевидно, повторит судьбу рано умершей Таи. Язвительная Лида очень похожа на Розу. Неужели Рувимме достанется судьба домохозяйки Дины? Скулы похожи. Но нет, нет! Провидение сжалилось и убергло от удара в висок. Значит, дало шанс.

Чтобы создать нечто гениальное, нужно пережить боль, потерю, страх. Но как совместить пляски над паровыми кнелями и большое искусство? «Любая сложная ситуация — до удивления проста». Где-то она это слышала? Ах, да, — всплыл в памяти разговор с продюсером. Уйти от Жоржа? Нет. Без него — не жизнь. Пойти учиться? Хорошая зацепка! Вот первый шаг к мета-модерну, такой простой, черт возьми! Надо подобрать убедительные слова — Жорж поймет. А вдруг не поймет? Нет, такого не может быть — он любит ее.

Почему я вижу только прошлое, а будущее — как серый экран? Не за горами Большой слом эпох, который все спишет. Когда он наступит?

Рувимма резко встала, подошла к балконной двери и открыла ее. Во дворе вовсю хлестал ливень. Ни грузовика, ни осла. Ее калмыцкие скулы заострились, глаза сощурились. Как будто сквозь плотную стену дождя проступила цель. Откуда появилась решительность? Кресло напело? Посуда нашептала?

В двери заскрежетал ключ. Рувимма, не закрыв балкон, выпорхнула в прихожую. Но это был не Жорж. В квартиру вошла свекровь в мокрых ботах. С зонта стекали крупные капли.

— Что случилось? Почему мне звонят соседи и возмущаются грохотом? В тот самый момент, когда...

— Э-э. Картина упала. Я тут ни при чем.

— Что? — свекровь, швырнув зонт, рванула в комнату. — Ты что здесь себе позволяешь? Кто сдвинул буфет?

— Я не буду больше дежурить у плиты дни напролет!

— Что-о? Да кто ты такая? Да я тебя сейчас вышвырну из квартиры... Ты...

Рувимма выскочила на балкон, ловко перелезла через ограждение. Дождь моментально окатил волосы, лицо, одежду.

На мокрой набережной мелькает лицо уже немолодого еврея с залысинами, сидящего на перилах Бульварного моста. Неужели ты прыгнешь в Обводный канал? А как же твое будущее: ГОЭЛРО, строительство стекольных заводов, мясокомбинатов-гигантов, выросшие дочери?

Яков усмехается в ответ: «А твое?»